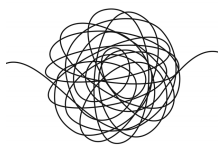
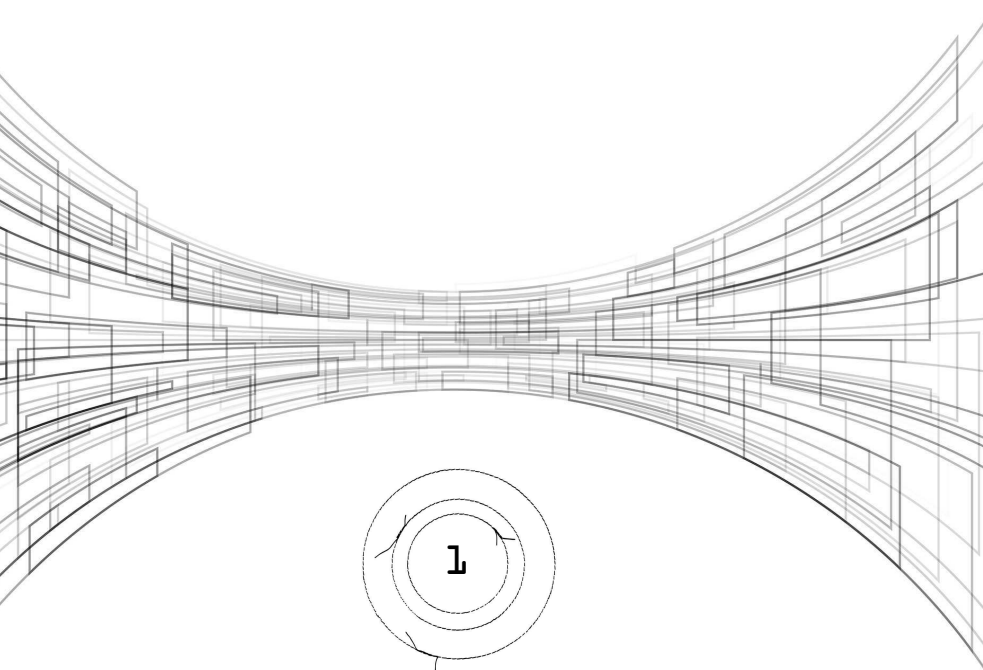

Посвящается Коннору

Иногда, просыпаясь среди ночи, он шептал в темноте своё настоящее имя:

— Люк. Меня зовут Люк.

Никто не услышит, точно. Соседи по комнате спят, а если и нет, то совсем маловероятно, что такой тихий звук донесётся до ближайшей к нему кровати, над ним или рядом. И уж явно в комнате и на нём самом нет подслушивающих устройств —

«жучков». Он проверил. Если вдруг случайно пропустил спрятанный в пуговице матраца или в изголовье кровати микрофон, вряд ли «жучок» уловит шёпот, неслышный даже ему самому?

Теперь ему ничто не угрожает. Лежа в кровати не смыкая глаз, пока все спали, он твердил это себе. Но сердце всё равно колотилось от страха, и лицо покрывалось холодным, липким потом каждый раз, когда он вытягивал губы для звука «ю», вместо фальшивой улыбки и звука «и» в новом имени «Ли», на которое теперь хочешь не хочешь приходится откликаться.

Настоящее имя лучше забыть и не повторять. Только у него и так больше ничего не осталось. Даже беззвучно, одними губами произносить своё имя было приятно. Оно было единственной ниточкой, связывавшей его с прошлым, с родителями, братьями.

С Джен.

Днём он держал рот на замке.

И ничего не мог с собой поделаться.

В тот первый день, поднимаясь с отцом Джен по ступенькам школы для мальчиков Хендрикса, Люк чувствовал, как по дороге к парадной двери с каждым шагом крепче стискиваются зубы.

— Ой, не надо так смотреть, — притворяясь, что шутит, сказал мистер Толбот. — Здесь не исправительная колония.

Слово врезалось в память Люка. Исправить. Переделать. Да, они его переделают. Возьмут Люка и сделают из него Ли. Быть Ли вполне безопасно. А вот Люком — нет.

Отец Джен остановился, ожидая ответа, взялся за резную дверную ручку. Но Люк не смог бы выдать и слова даже под угрозой смерти.

Мистер Толбот помедлил, потом потянул на себя тяжёлую дверь. Они шли

по длинному коридору с таким высоким потолком, что, поставь всю семью Люка друг другу на плечи: и отца, и мать, и Мэтью, и Марка, и его, — самый верхний едва ли дотянется до цели. На стенах от пола до потолка виднелась старинная роспись — люди в странных одеждах, которых Люк нигде, кроме книг, не видел.

А что он вообще видел, кроме книг?

Он старался не слишком таращить глаза, потому что для Ли всё наверняка казалось бы обыкновенным и привычным. Но разве же можно об этом помнить всегда?

Они миновали классную комнату с несколькими десятками мальчиков, сидящих ровными рядами спиной к двери. Люк так на них уставился, что даже попятился. Он, конечно, знал, что людей в мире много, но не мог себе представить столько одновременно в одном месте. Интересно, есть ли

среди них «дети-призраки» с фальшивыми удостоверениями личности, как у него?

Отец Джен развернул его, похлопывая по плечу.

— А вот и кабинет директора, — воскликнул мистер Толбот. — Нам сюда.

Люк, всё ещё не обретя голос, только кивнул и вошёл за ним следом.

Сидевшая за гигантским деревянным столом женщина подняла голову и, взглянув на Люка, спросила:

— Новенький?

— Ли Грант, — ответил отец Джен. — Я говорил о нём вчера вечером с директором.

— Вы же понимаете, уже середина учебного года, — предупредила она. — Если он плохо подготовлен, то не догонит остальных, тогда придётся остаться на второй год.

— Ну и что, это не имеет значения, — уверил её мистер Толбот.

Люк обрадовался, что ему не придется говорить самому. Он был не готов. Не готов ни к чему.

Женщина потянулась за папками с документами.

— Вчера вечером его родители прислали по факсу медицинскую справку, страховку и справку об успеваемости, — сообщила она. — Не хватает только подписи...

Отец Джен взял стопку бумаг с таким видом, будто только и делал, что подписывал чужие документы.

Хотя, может, и так.

Люк наблюдал, как мистер Толбот перебирает бумаги, тут ставя подпись, там вычеркивая слово, фразу, а то и целый параграф. Наверняка торопился и толком их даже не прочитал.

И тут на Люка впервые напала тоска по дому. Он вспомнил, как осторожно, вновь и вновь перечитывая, прежде чем взяться за ручку, исследовал важные бумаги отец. Люк, как наяву, ви-

дел его сосредоточенно прищуренные слезящиеся глаза, тревожно нахмуренные брови.

Отец всегда опасался обмана.

Может, отцу Джен было всё равно?

Тут Люк шумно сглотнул, и женщина обратила на него внимание. Он не понял выражения её лица. На него смотрели с любопытством? С презрением? Безразлично?

О сочувствии речи не было.

К тому времени отец Джен покончил с документами и эффектным жестом вернул их женщине.

— Я позову мальчика, который проводит тебя в твою комнату, — сообщила Люку женщина.

Он кивнул. Женщина склонилась над коробкой на столе и сказала:

— Мистер Дирк, пришлите, пожалуйста, ко мне в кабинет Ролли Старджона.

Вслед за ответом «Хорошо, мисс Хокинс» послышался рёв, словно все уче-